Ивашов П.Н.



Катарсис

Жизнь не стоит ничего, если в ней нет главного

г. Череповец
2005г.

Автором сделана попытка донести уровень развития и склад характеров в оригинале, с сожалением за непередаваемый и не полный колорит эмоций и суждений.

Особенности трудного детства

Надо сильно потрясти
Чувства детского сознания,
И тогда они надолго
Сохранят воспоминания.
Всю не легкую науку
Раз, два, три, четыре, пять,
Слезы, радость, боль, разлуку,

Вышел мальчик погулять.

Характеристика заканчивалась словами:

- …мальчика устроить в школу-интернат, чтобы изолировать от влияния старшего брата.

…Был конец августа, погода на Урале стояла как заговоренная, на небе ни облачка, зной. Природа была безмолвна, ни шороха, ни шевеления листьев. Даже воздух был неподвижен. Пряно пахло травами, цветами, землей. Похоже, будет гроза... Все как бы прощалось с Русланом навсегда.

Обычно взрослые просыпались ни свет - не заря стряпаться. Приходилось вставать вместе с ними, а так как рано утром делать нечего, Руслан как и обычно отправлялся в гости к друзьям и знакомым.

Но сегодня, надев полуизношенные сандалии на босу ногу, штаны, подпоясав старым школьным ремнем, майку и пилотку, пошел на железнодорожную станцию, где знал все закутки. Станция была для него местом, где он «жил». Не далеко центр города, до него пешком тридцать минут. На городском стадионе звучала песня:

У моря, у синего моря,

Где чайки летят на просторе…

Остальные части города тоже знакомы, но там он появлялся изредка, в зависимости от тех обстоятельств, которым был подчинен.

В этот день Руслан Романов расставался с городом и друзьями, а происходило это так.

На станции он облазил все подпавильонные пространства, где собирал деньги, обронённые в щели деревянных приступков. Прошелся по перрону, где вдоль железной дороги собрал привлекающие внимание окурки и пустые коробки от спичек, для обмена на этикетки, которые наклеивал в школьную тетрадь куском варёной картошки. Как обычно «обнюхивал» все мусорные ящики и тумбы, не упускал из виду винные и молочные бутылки, которые

сдавал в привокзальном гастрономе. Молочные бутылки брали охотно, винные приходилось либо сдавать на товар, как правило, на кофе или какао с сахаром в брикетах, либо стоять у входа в магазин и просить взрослых, чтобы помогли. У детей до шестнадцати лет посуда не принималась. Обычно на вырученные деньги он покупал мороженое, конфеты, рыболовные снасти, ходил в кино, а чаще всего проедал в деповской столовке, разумеется, с друзьями, которые этим то же промышляли. Только у них все происходило стихийно, а у Руслана регулярно – это была его «жизнь».

В Красноуфимск Руслана привезли в семилетнем возрасте, и вот уже три года он скучал по своему селу и старым друзьям из детского сада. Не смотря на то, что село было крупное, все уголки известны. Сказывалась привычка - постоянно, куда-то шастать. Жил с матерью на съемной квартире, обычно у какой-нибудь старушки. За те детские годы они сменили место жительства шесть раз. Причины были разные, но основная видимо в том, что люди не любили квартирантов и есть за что, а другого выхода не было. Мать работала счетоводом и еле-еле сводила концы с концами. Руслан же этого и не в состоянии был понимать, у него была своя личная жизнь, свои беды и свои радости

Отец их бросил, когда ему было два года. Руслан только – только начал ходить и говорить.

- Сетку, пяник – просил он у, приходившей с работы, матери, а когда хотел есть – просил молока: « Мама кам, мама кам». Уже тогда проявилась склонность к бродяжничеству. Жили они на улице с многообещающим названием «Свободы». Однажды в полдень, дело было летом. Лёнька, старший брат Руслана не усмотрел за ним и тот ушел к речке, которая была в пол - километра от дома, а там по берегу дальше и дальше. Мать приходит с работы, а сына нет, старший только рот разевает. Она бегом, чисто интуитивно, что значит материнская интуиция, следом за

Русланом. В конце концов, нашла далеко-далеко от дома, где его подобрали сердобольные женщины и привели к себе в мастерскую «Кожевенник». Благо нашлись знакомые очевидцы и видели все это, они и подсказали, как отыскать Руслана.

Время было трудным, послевоенным. Старшего брата часто видели идущим по дороге босиком, с ботинками в руках. Конечно, ему куда приятнее идти босиком, но со стороны, судя по его внешнему виду, выглядело это как бережливость. В доме часто нечего, было, есть, доходило до того, что ели сухари с соленой водой. Не смотря на то, что отец «бросил», они жили в его доме, но со временем «справедливость восторжествовала», и «родственники» выбросили их на улицу. Матери ни чего не оставалось делать, как проситься на приют к своим родителям. И вот они в деревне Токари.

Деревня

Обживали это безводное, но лесное пространство Просвирнины, Озорнины и Токаревы.



Здесь Руслан вновь проявил свою тягу к путешествиям. Он знал буквально все – куда пойти и что найти, конечно, по-детски. Но это было не сразу, а спустя три года.

В деревне благодать. Дом у стариков стоял на возвышении, большой, с сараем и хлевом под сенью черемух, баней, в которую ходили с керосиновым квадратным фонарем, а за баней огород. Во дворе росла высокая трава, в которой постоянно рылись куры. Паслись козы, среди которых серобородый и бодатый козел Борька да свиньи, которые выпускались в ограду изредка. Козье молоко

пропускали через сепаратор – очень редкая нужная вещь в домашнем хозяйстве. В огороде было красиво, особенно в саду, где находилась канава с вешней водой. Росла земляника и сладкий горох, но Руслана туда редко пускали, а чтобы отбить охоту пугали чертовкой, яко бы там живет злое существо, которое ему представлялось собакой, но что или кто это на самом деле, он так и не понял. А бабушка рассказывала, будто перед войной там в огороде находились каменные крестики, будто бы с неба градом падали. Зады огорода выходили к березовой роще, где Руслан часто проводил время со старшим братом.

Брат уже давно жил и учился в деревне и потому легко находил себе занятия. Мог и подработать на волокушах или на воротах. Это главные ворота, которые нужно открывать и закрывать, когда въезжает машина или телега в деревню.

Было такое развлечение – собирать в роще, не понятно, по каким причинам мертвых птиц и забрасывать в большую «мясорубку» - старый, заброшенный, ни кому не нужный и не известно для чего, механизм. Представлял собой полузакрытое металлическое корыто с двумя рукоятками по бокам на не высокой опоре. Если крутить эти рукоятки, то из чрева корыта выползали потроха его содержимого.

Однажды брат поймал мышку и посадил в большую лужу, из которой не давал выбраться до тех пор, пока она, плавая, не выдохлась. Затем брат вырыл ямку, засыпал мышку землей, смастерил крестик и оформил могилку.

Напротив дома через дорогу стояла диковинная башня. Можно без сомнения назвать ее архитектурной достопримечательностью. Башня эта была срублена из бревен высотой метров семь и завершалась большим металлическим крыльчатым колесом. Рядом с башней стоял дом с огородом, выходящим на дорогу и огороженным плетнем, очень удобно страдовать огурцы с чужой грядки. От нечего делать, иногда Руслан туда залезал и как-то долго скрывался от бабушки за стволами берез, когда она пошла в

рощу, за хворостом и грибами. Во дворе следующего дома стоял колодец-журавль, там жил старик, имя которого, Мирон, вызывало ассоциацию какой-то фигуры необыкновенной силы. Не далеко находился клуб. Руслан боялся, когда его брат водил в кино, потому что во время сеанса часто проваливался в кресло и с трудом выбирался. За клубом был искусственный пруд, в котором разводили карасей, а потом ловили в основном на удочки. Брат любил рыбачить, а Руслан стоять рядом. Так однажды осенью замерз до костей. Приезжали браконьеры с сетями и однажды отвалили им целое ведро рыбы. На берегу стояла не менее диковинная мельница. Огромное колесо приходило в движение, медленно перебирая лопастями, когда спускали воду. Обычно в это время вся деревенская ребятня шла по той воде бродом и руками ловила мелких серебристых и пахучих карасей, застрявших в траве протоки.

Когда дед купил старшему внуку велосипед, Руслан остался один. Ленька всегда старался увильнуть:

- Я поеду емко, говорил он, а на слово нет, отвечал: - Не гнед, а вороной.

Все-таки старше на пять лет и у него были свои дела, свои друзья, роль надзирателя его не устраивала. Кроме того, он был упрямым донельзя, бабушка называла его – своебышным, эта его черта одна из главных. К примеру, заставят надеть кирзовые сапоги, он их при выходе из ограды перебрасывает обратно через заплот и уходит босиком. И еще одна его особенность – он не умел плакать, за всю свою жизнь Руслан никогда не видел его слез. Но может быть, на формирование характера могли повлиять такие факторы, как не редкие буйства пьяного отца или пинки товарищей, спящего в траве, или операция под наркозом в шесть лет. Отец приезжал один раз в деревню, чтобы забрать кого-нибудь из брошенных детей, привез кучу ирисок «Золотой ключик» в прозрачных обертках, упрашивал, конкретно, каждого. Ленька сказал на ушко брату:

- Если меня будут отдавать, я убегу в лес.

Руслан, сидя на лавке, сложив ножки калачиком, про себя думал так же. Он все делал как брат.

Дед



Дед, Иван Павлович Токарев, с большой окладистой бородой и в очках, был стар и болен. Основным его занятием было чтение книг, сидя у окна, «Сын полка» или «Угрюм – река», а потом пересказывать бабушке, или занимался домашним хозяйством. Не плохо столярничал, умел смастерить лыжи, санки или грабли, любил

подшучивать. Как-то, катая на телеге, пообещал накормить Руслана яблоками. Тогда фрукты были в большом дефиците, можно сказать, только в подарках на Новый год. Потом выяснилось, что эти яблоки можно найти только в конюшне.

За свою жизнь дед похоронил двух жен, третья схоронила его, а умерла ровно через десять лет. Он поднял четверых детей, занимаясь плотницким делом. В тридцатые годы у него было крепкое хозяйство, единолично сеял хлеб. При плановой коллективизации и раскулачивании забрали коня, лучшего в округе, Минком звали, остальное сам принес. Старший сын Петр подался в бега, семью выгнали из колхоза, а деда сослали под Петрозаводск на лесозаготовки. Оттуда сбежал и скрывался с семьей по квартирам до тех пор, пока не получил паспорт. Работал плотником, строил дома, но в колхоз больше не хотел вступать. Однако пришлось, когда запретили выпускать скотину на пастбище. Во время войны работал бондарем, мастерил бочки для фронтового продовольствия, было голодно и холодно, в столовой кормили крапивой. После войны опять плотничал, его любили и уважали, просили совета, он был интересным собеседником.

Бабушка

Родная бабушка Прасковья Игнатьевна была красивая и пользовалась этим достоинством не в меру. Любила красивую и развесёлую жизнь, нарядно одевалась и как говорится, торопилась чувствовать. Умерла в молодом возрасте от чахотки – результат зимних прогулок на лошадях, запряженных в кошевку. Оставила сиротами четверых детей.

А не родная Аксинья Степановна, третья по счету жена деда, была на десять лет его моложе. Прожили они долго, без малого тридцать лет, счастливо, и умерли в один день с разницей ровно в десять лет. Дед, с трудом

уговоривший ее на брак, был требовательным, но в обиду не давал.

Жили они довольно спокойно, не богато, но сыто. На столе бывало большое блюдо с солеными грибами или с гусиными потрохами. Наваристые в печи, щи или суп с клецками из чугунка. Селянка из картошки, паренки из репы, моркови, капусты или калеги (брюквы), каша из гороха или бобов, кисель из гороховой, овсяной или пшеничной муки (завариха), с постным маслом. Грибы, особенно подберезовики (губы) – не выводились. Их заготавливали целыми телегами и сушили в печи, сушили и ягоды. Свежеиспеченный ерушник хлеба и, конечно, самовар с заваркой из сушеной моркови, земляничным или малиновым вареньем. В самоваре можно было сварить яйца, уложенные в специальном лотке. По праздникам - пироги с картошкой или черемухой, пельмени с капустой или грибами, горячительные напитки, чаще всего самодельное пиво – кулага. Случались вечеринки, при керосиновой лампе, которые заканчивались грандиозными кутежами.

После очередного застолья вся компания куда-то исчезла, и Руслан остался один. Не долго думая, собрал все остатки из стаканов и рюмок и выпил. Когда все вернулись, увидели дитя на четвереньках, горланящего ни кому не понятные песни.

В своей многочисленной семье Аксинья была старшим ребенком. Сызмальства начала работать на барина, в основном погрузо - разгрузкой в барки на зерновом сплаве. Зимой на ферму приходилось бегать босой по морозу, после чего остались шрамы от трехголовых чирьев размером с ноготь. Летом при сборе ягод пели песни, чтобы хозяин мог контролировать, не едят ли чужое. Так сложилось, что она не могла иметь детей, может быть поэтому, от нее не было ни ласки, ни сопереживания. Может быть, поэтому умер самый младший пятилетний сын деда в его отсутствие, которого она клала спать у порога, правда тот болел тифом, от него плохо пахло и по нему ползали вши. Она была стройная и

красивая. В гражданскую войну, по ее рассказам, нравилась то белым, то красным, после очередного взятия деревни.

Она спала на досках, ни когда не ходила по врачам, лечилась травами и прочими народными снадобьями, регулярно брюхо правила. Не умела писать и читать. Когда получала пенсию за деда, ставила крестик. Свою пенсию ей не назначили, потому что не работала на колхоз, зато была хозяйкой знатной.

– Восударство не омманешь, говаривала она, а вор на сороковой раз все равно попадется.

Была набожной и суеверной. Не разрешала подходить к окну во время грозы, за столом петь, в лесу свистеть, нож упал – жди гостя, ложка – гостью, а уж самое последнее дело – есть с ножа, будешь злым и беды не миновать, хотя, если перекусишь сухожилие в куске мяса – годишься для женитьбы.

Кошка умывается к гостям - гостей намывает. Перевала из гнилого углу (с юго-запада) - быть грозе.

Рассказывала ужасные небылицы про вешшиц (ведунья - так кажется называется), изурочивающих младенцев, про собак, с горящими глазами, в бане, про колдунов, например:

- В одной деревне справляли свадьбу. Полагалось пригласить колдуна, но его не пригласили, и он сам пришел. Хозяин стукнул колдуна по лицу так, что полилась кровь. Колдун превратил кровь в горох и замел его в угол, после чего все гости превратились в волков и разбежались в лес.

В древних легендах, про которые вспоминала бабушка, рассказывалось о волках-оборотнях. Они не нравились Руслану, эти волки, и он, слушая повествования, всегда не принимал их сторону, против которых крестьяне собирались воедино и шли войной...

"Но ведь они были хорошими," - говорила баушка.

Но Руслану не было их жалко, не было жалко колдуна. "Надо быть добрым парнем, надо жалеть овец и нас", - говорила баушка.

Руслан удивлялся: если быть добрым, то нужно жалеть всех, разве нет? И волков тогда тоже!

Нет, терпеливо объясняла баушка, волки нарушители, они крадут овец, и нам тогда нечего ись. Но волки тоже хочут ись! И они едят овец, потому что они голодные - точно, как и мы, которые едят овец, потому что мы голодные. Почему же волки плохие, если они делают то же самое, что и мы?

И как же быть "добрым мальчиком": быть добрым мальчиком вообще - или в зависимости от того, кому принадлежат овечки? - ломал голову маленький Руслан над несоответствием этики и права частной собственности.

"Конечно, нужно быть добрым вообще, - объясняла бабушка. - К своим. К чужим не надо. Волки - чужие.

Постичь идею добра в бабушкиной интерпретации он не смог.

Он просто запомнил, что волков-оборотней жалеть не нужно. Колдунов, кажется, тоже. И тех и других надо ненавидеть. И оттого, что он не мог ненавидеть, было стыдно. Он ненавидел сам себя. И еще кого-то... Он не знал, кого. Просто иногда необъяснимая ярость подступала и он задыхался от нее, не зная, на кого ее вылить и как от нее избавиться.

Маленькому Руслану снились сны, в которых он сам был отверженным людьми и волками одновременно – гордым и одиноким. С тех пор, когда подступали внезапные и необъяснимые приступы ярости, свет в его глазах мерк, наступали беспросветные багровые сумерки, как если бы солнце внезапно рухнуло за горизонт, обдав землю прощальным кровавым лучом.

Бабушка имела много подруг, любила ходить к ним и приглашать их в гости, петь песни, иногда сидя за прялкой:

- Вдоль по речке, вдоль по Казанке…

Нравились и современные песни:

- У моря, у синего моря…, - просила поставить пластинку - баско, причитают!.

Любимая подружка детства, марийка по имени Марья была одинокой, часто приходила с ночевкой. Одевалась в традиционную национальную одежду, украшенную монетами, сильно пила и помогала копать огород.

Баушка любила шутить, понимала шутки и от души смеялась, например, когда Руслан передразнивал ее про себя:

- У, сумашедчёй, жид! - или когда знакомая не правильно произносила слова нотариус и мотоцикл:

- Татарин на мататыре, а про человека с насморком:

- Бикитка, ты же в дос говоришь!

- А сабот. – или стих про неудачливых сестер на выданье,

- Каварер, ты каварер,

Поровик-от загорер – говорит одна, а другая:

Ты б сидера да морчара, будто деро не твое – третья:

Срава боу проморчара, не проморвирася.

Хлестала поговорками:

- На грош да с вилки, про чопорного человека, или

- Круг себя да в пазуху, когда смотрела по телевизору парное фигурное катание, или,

- Не доживши веку, про испорченную вещь или человека;

- Какой из люльки, такой и в могилку, - про дебошира;

- Такоской был, говорила в отместку, типа так ему и надо;

- Как праской, - про человека, воображающего из себя нечто, а про небережливого модника или модницу:

- Лоб-от шшеголят, а затылок-от вши заедают.

А, если не нравится поступок, то:

- Все, бы так.

Или манера говорить:

- Высказался и шляпу не снял;

- Не ума, не сорому, не с котору сторону;

- Не слыху, не дыху, - о чем-то или о ком-то пропавшем;

- Опять за рыбу деньги, - если кто-то надоедал;

- Осередь майдана, - в центре внимания или в гостях;

- Где пьют, едят – там и серют;

- Не стыда, не сорому, не с котору сторону .

К стати, в избе, у порога на ночь ставилось поганое ведро.

Имела самобытный и колоритный словарный запас, не брезговала матерщиной под горячую руку, иногда употребляла иностранные слова, которые узнала от демобилизованных с войны: ватар – уборная, дракуле – черт, поркуле - свинья. В деревню приезжали командированные и постоянно кто-нибудь жил у деда. Постояльцев из Свердловска называли «Сверлочане», благодаря им она тоже обогащала свою речь. Она будто дразнила русский язык, например слово семя произносила «симё», а день празднования революции - «на семо в октяпску» Много позже Руслан восстановит часть ее лексикона, но, к сожалению, много и забудется.

По своему характеру была, строгой, можно сказать суровой, ворчливой старухой, похоже, недолюбливала падчерицу – младшую дочь мужа, из-за чего происходили постоянные перебранки и недомолвки, и не только наедине - между собой. Детей называла нарушителями, шнырами. Фактически заменяла им отца, но ни разу пальцем не тронула, а к дисциплине приучать умела. До самой смерти она не оставалась одна, многочисленная родня постоянно ее

навещала. Либо она в гостях, либо у неё гости . Чувство одиночества ей было не ведомо.

Манчаж



Прожили в деревне холодную зиму. А потом устроились на фатеру в селе, раскинувшемся в ущелье реки Манчаж, в восьми километрах от деревни.

Село было крупным, со статусом райцентра. По главной улице Советской проложен тротуар из досок. Имелись две школы, начальная и средняя, столовая, пекарня, молокозавод, МТС. раймаг, хозяйственный, промтоварный, книжный и пять продуктовых магазинов. Поликлиника, баня, парикмахерская, аптека, почта и суд. Клуб стоял на возвышенном участке с высоким портиком,

перед ним памятник Ленину. На берегу реки летний театр, где ставили «Кремлевские куранты».

Очень теплое лето. Начало лета. Ранний вечер. Мама рядом, на временно сколоченной скамейке. Вокруг зрители, окруженные Бело-зелеными березами. И настоящий Ленин говорит.

Река, разделяла село на две части, подпитывалась многочисленными ключами, которые были благоустроены для набора воды под хозяйственные нужды и питья. Плотина, построенная на окраине образовала огромный пруд, где водились караси и карпы, а так же гальяны – не съедобная рыба размером с пескаря. Говорят, с этим селом был, как-то связан будущий первый президент России Б. Ельцин.

Четырехлетним Руслан пошел в детский сад. Трудно было привыкать к казенному заведению, часто со слезами на глазах, хотелось к Бате, так он называл своего деда, кататься на лошадке, а расставаясь с матерью долго смотрел в окно и махал рукой. Зимой было очень холодно. Чем только его не укутывали, а идти через все село, по дороге приходилось заходить во все магазины. Из продуктовых без карамелек не выходили, иногда не без помощи самих продавцов. На улице темно, светит луна, ему нравилось идти вместе с луной и еще нравилось, когда встречные машины светили фарами и от этих огоньков исходили лучи. Первый снег был настоящим праздником. Проснешься утром, глянешь в окно, а там белым бело, идти по такому похрустывающему снегу – одно удовольствие.

Когда шли из садика домой, взрослые, глядя на Руслана приветливо улыбались, мать часто останавливалась со знакомыми, начиналась скукота. По дороге с лаем нападали беспризорные дворняги, мать отпугивала:

- Цыба, цыба!

Иногда после садика Руслан вместе с матерью попадал на вечеринки. В складском помещении, помнится, открытая бочка с селедкой, блюдо крупной мороженой

клюквы, а после отплясываний, сдвигая к груди руки и раздвигая их вширь, трудная дорога домой по сугробу. Он не мог переносить выпиваний и всегда одергивал мать.

Случалось, в садике всех задерживали, если кто-нибудь провинится. Воспитательница обещает отпустить, если сознается виновник. Руслан не один раз брал на себя чужую вину и спасал ситуацию.

По выходным дням, чаще всего летом они приезжали в гости, в деревню. Трудно сказать приезжали, потому что часто приходилось идти пешком, а Руслана нести на руках. Первые серьезные путешествия. Иногда их подвозили попутные машины - полуторки. Многие не останавливались и, в очередной такой раз обиженный Руслан, не смотря на то, что его всегда в кабине тошнило, полный обиды в адрес шофера заявил:

- Вот вырасту большой, буду ездить на машине и тебя тоже не возьму.

Не раз приходилось ехать на попутной телеге с хлебом, колеса деревянные с металлическим ободом, каждый камень отражается, ох и больно, так же как на велосипедной раме. Был случай, когда Руслана подвозил попутный велосипедист на багажнике. Он попросил не совать ноги в колеса, но то ли детское любопытство, то ли невнимательность привели к аварии, оба улетели в кювет, все обошлось без травм, но нога, застрявшая в спицах, долго напоминала об элементарной дисциплине. Если шли пешком, то по дороге собирали грибы, ягоды, часто отдыхали. Во время отдыха мать плела венки или рассказывала, какую-нибудь историю, например о том, как люди появились от рыб, а волосы у человека – это остатки чешуи. А однажды Руслан зашел в кукурузное поле, хотелось поесть кукурузные початки. Мать была против и не стала дожидаться, а когда он вышел, она уже была очень далеко, пришлось догонять, но это маленькое наказание стало уроком.

В один такой выходной в деревне Руслана отдали на попечение брату, который собирался с друзьями за грибами и ягодами в ближний лес - Осинник. Дорога легкая,

с одной стороны пшеница, с другой вкусный горох. В лесу благодать, солнце ещё не припекает, пахнет свежей зеленью, вокруг земляника, костеника, малина. Ленька учил:

- Набираешь ягод в колокольчик и сьедаешь вместе с цветком или сунешь веточку в муравейник, а потом обсасываешь кисловатый сок – полезно, и цокал языком, но не вороши его – дождь будет.

При помощи друзей ему набили ягодами полную банку испод консервы и отправили домой, чтобы не мешался под ногами. Руслан решил идти не по дороге, на которую его привели и показали, как добираться, а срезать путь через пшеничное поле. Сначала можно было ориентироваться на лес с другой стороны поля, но так как пшеница была выше его, подходя ближе, колосья заслонили лес и он растерялся. Но пошел прямо, куда глаза глядят, и к радости выбрался на дорогу, конечно, уже без ягод.

В понедельник приходилось вставать очень рано, в три или в четыре часа, чтобы успеть, матери на работу, а Руслану в детский сад. Он всегда вставал послушно, без слез и капризов, видимо как-то понимал всю серьезность положения, потому что в иных случаях, бывало, и по полу катался.

У Руслана было два родных Дяди. Дядя Петя и Дядя Гриша. Дядя Гриша с темным, не по своей воле, прошлым, но со счастливым будущим. Он жил далеко, и про него ни чего не было известно. А дядя Петя - это любовь, потому что, во-первых, он часто приезжал в гости, а во-вторых, всегда привозил подарки и иногда давал деньги.

Исполнилось Руслану 5 лет. В это время приехал Дядя Петя и подарил синий шарик с белой ромашкой и губную гармошку. А дело было летом и довелось ему идти пешком из деревни в Манчаж вместе с Дядей и его женой. В дороге, сколько не спрашивали:

- Устал ли? - ответ всегда был один:

- Нет.

И так, без отдыха они прошагали восемь километров. Руслан очень радовался этой победе, но когда

пришел, был страшно огорчен – он потерял гармошку, которую убирал за пазуху.

В село Руслан приходил всегда с радостью. Там были его «дом», друзья по детсаду, куда он ходил не охотно, особенно в начале. Когда, особенно в первые недели, мать приводила его, он чувствовал такую тоску, что слезы текли рекой, и махал ей в след до тех пор, пока она не скрывалась из виду. Это было заточение. Он ненавидел сплошной забор, завидовал тем, кто ходит в школу, но со временем привык и смирился, чисто внешне как к вынужденной необходимости. Когда стал постарше, его отпускали в садик одного, что придавало духу, все-таки самостоятельность. Сам по себе, в плане посещения садика, Руслан был дисциплинированным, но однажды поддался соблазну своего друга Ромки Шаехметова и прогулял весь день. При чем в полдень, они нахально прошлись мимо окон садика. Хотелось, есть, но свобода дороже…

Много позже он оценил пирамидки и матрешки. Импровизированные кукольные спектакли из картинок через матовое стекло с подсветкой. Черный хлеб с горячим супом после прогулки на морозе и катания с большой деревянной горки. Катание на тройках в масленицу, проводами подожженной соломенной зимы, и праздничными пельменями. Прогулку, в теплый - по летнему весенний день 22 апреля, к памятнику Ленина. Походы в благоуханный лес за земляникой, где жила сказочная бабка Матрена. А в траве бесчисленное множество кузнечиков и прочих насекомых.

Божья коровка,
Полети на небко,
Там твои детки
Кушают конфетки.
Всем по одной,
А тебе ни одной.

Летний теплый дождик вызывал бурное восхищение.

Дождик, дождик пуще,
Дам тебе гущи,

Хлеба каравай,

Хоть весь день поливай

Но более всего Руслану нравились утренники с хороводами и подарками. Он к ним готовился с вечера, очень беспокоился и долго не мог уснуть, а когда просыпался, то был доволен, что так быстро прошла ночь и что уже утро, и что уже можно наконец-то идти на праздник.

…А сейчас они слонялись без дела. Где-то ближе к вечеру узнали, что за селом на поле стоит самолет. Руслан никогда не видел самолеты вживую, а тут такая серебряная громадина! Собралась толпа, говорили, что это аэроплан. Летчика не видно и не похоже, что он тут был, так как кабина не большая, туда даже ребенок не уместится и все-таки, хотелось узнать, где же он? Домой симулянт пришел поздно, грязный, был разоблачен и сильно наказан. Мать отхлестала вицей по заднице, он не имел права целую неделю бегать (быть на улице), а это самое страшное наказание.

В садике у него был закадычный друг Сашка Тюрин. Весьма даровитый мальчик, умел кое-какие вещи играть на баяне и поражал не только детей, но и взрослых. Достаточно раскованный, чем подкупал Руслана, не редко прогуливал садик. Происходило это так. Они встречались и шли вместе большую половину пути. Затем расходились, а вечером снова встречались, возвращались домой и все проходило шито-крыто и безнаказанно. Руслан в их доме был частым гостем, где всегда торжествовало веселье.

Был еще один друг – Пашка Балуев, а мамы были подругами, обе без мужей, часто отдыхали вместе, иногда за бутылочкой вина, ну а дети при них, из радио звучала песня:

- Зил паниска кудявый, семачать лет…

Развлекали себя, чем придется, собирали вертолетики из кленовых веток, делали свистульки из стручков акации. Загадывали желания и колдовали:

- Колдуй баба, колдуй дед, колдуй серенький медведь. Резали из газет деньги, ходили понарошку в магазин, покупали все, что хочется. Прятались от старика – Бабая, бредущего по задам огородов, или пускали бумажные

кораблики по ручью, или бродили по лужам. Но самое завораживающее занятие – жечь костры. За один такой костер Руслан пострадал. Получил хорошую порку, запрет на пистоны и отсидел неделю без улицы. Он мечтал создать одну большую спичку из нескольких коробков, и придумал как это сделать, но где взять много спичек? Надо сказать, пороли его частенько, иногда прутиком, а иногда и ремешком. Как-то раз принес он красивые кнопки из садика, которыми были приколоты салфетки на гардеробные шкафчики. Мать молчала до тех пор, пока он не раскапризничался по какому-то незначительному поводу, после чего ему и влетело за все сразу.

Была у него подруга, с которой он проводил много времени, ходил к ней в гости, где они играли в дом, в родителей, в больницу, иногда ссорились и обзывались:

- Выбражуля номер пять
ходит с Гитлером гулять,
сумочку на ручку,
Гитлера под ручку, или:
-Лысый дурак курит табак,
Спички ворует, дома не ночует,
Спит у милашки, ест каравашки.

Не редко приходилось проводить время одному. Обычно ходил в гости к друзьям или где-нибудь бродил, искал пустую бутылку, сдавал за двенадцать копеек, ходил в кино за пять копеек, оставалось на конфеты, без которых не жил ни когда, хоть дешевенькие, но были, иногда ел ароматное мороженое, которое производилось на местном молокозаводе. Иногда ходил по магазинам и просил у продавцов либо игрушки, либо книжки, либо сладости, очень любил лакомиться плавленым сыром, разрезанным на мелкие кусочки. Благо, все знали его мать по работе и не могли отказать, правда, потом ей приходилось расплачиваться и краснеть за сына. Не далеко стоял разобранный грузовой автомобиль, остались только рама на колесах и сиденье с рулем. Руслан часто ходил к нему, садился за руль и долго ехал. Когда возвращался домой, ни

как не мог понять, от чего руки были черными. А иногда возьмет свой игрушечный грузовик, насыплет в кузов придорожной пыли и катит его прямо по тракту, где пылят настоящие, а звук от машинки приглушенный, радует слух. После дождя нравилось болтаться по лужам босиком, вода как парное молоко, и любоваться радугой-дугой.

По вечерам любил смотреть кино в настольном фильмоскопе, собирал из кубиков картинки, особенно нравилось собирать легковушку. Просил мать почитать, иногда одну и ту же книжку по нескольку раз, а мать думала:

- Когда ребенок научится читать, станет полиглотом, на столько это его увлекало.

Иногда, от нечего делать, рисовал цветными карандашами или акварелью, но была у Руслана беда – ни как не мог научиться нарисовать заварной чайник. Дело в том, что в садике в групповой комнате висела кармашечница, на каждом кармашке вышивалась картинка, все кармашки были распределены и каждому дали задание – нарисовать свою картинку, а у него не получалось, воспитатели были не довольны, Руслан расстраивался.

Однажды судьба преподнесла ему настоящий подарок, он получил новенькие ножницы, о которых давно мечтал. Весь вечер резал бумагу, пока был в конторе у матери. Она часто задерживалась по работе. По дороге домой, зашли на речку постирать трусы, которые Руслан неожиданно испачкал в садике. В этот день он дежурил по группе - накрывал на столы или относил грязную посуду. После ужина, когда с подносом стаканов направлялся в моечную, неожиданно захотел в туалет. Пока мать стирала, он умудрился утопить ножницы, на этом и кончились все радости дня.

Еще один подарок – наган, извергающий искры, а в темноте особенно эффектно, при нажатии на курок. Это была новинка, и все ребята завидовали, когда он приносил в садик похвастаться. Радость была не долгой, наган не умещался в карман, приходилось носить за пазухой, где-то и потерял.

Руслан всегда испытывал тягу к деньгам, тем более, когда прошла денежная реформа. Монеты блестящие, купюры хрустящие, денежная стоимость сократилась в десять раз, легко можно было считать. Узнав от бабушки о том, что на кладбище их можно найти на могилах, организовал с друзьями экспедицию после садика. Они подошли к прореженному забору. Посмотрев через щель, вдруг Руслану показалось, что кто-то есть в листве берез, а это было солнце, которое просвечивало сквозь тихо покачивающиеся ветви, и все со страхом убежали, он самый первый.

Ему всегда, что-нибудь чудилось. То приходил какой то дядя в костюме черкеса, когда они только что улеглись спать с матерью в сенях, и хотел его взять, Руслан еще и глаза не сомкнул, а как увидел – закричал и все исчезло. То его река несла по течению очень быстро, куда-то в бесконечность – опять крик. Это были, конечно, сны. Как-то раз он загадал увидеть во сне барабан и колодец, не понятно почему. И барабан он увидел, ему приснился раймаг, где покупали красные пионерские барабаны. В страшных снах его всегда спасала мамка. Он на столько ее любил, что однажды ей сделал такое признание:

- Если ты умрешь, я пойду в ограду, поставлю нож лезвием вверх и упаду на него.

Однажды она его оставила одного на воскресение, уехав в деревню. Очень было печально, но до тех пор, пока не выяснилось, что было оставлено три пятачка. Выходной удался. Один пятачок был потрачен на книжки, другой на конфеты - подушечки, которые он съел в кино, потратив последний пятачок.

Мать



У Натальи Ивановны, жизнь складывалась не сладко. Она родилась красивой, но с пороком - разрыв верхней губы. В трехлетнем возрасте от испуга, в святки, после Рождества, стала заикаться. Отец повел в церковь, где ее крестили, поставил под колокол и, о, чудо произошло, отошла напасть. Отец был ласковый и очень жалел Тальку, но вместе с тем и строгий.

В четыре года – неудачная операция по сшиванию губы, шов расходился, и срослось не ровно. В семь лет потеря матери, в девять - школа, в десять – раскулачивание семьи. В семнадцать лет получила семилетнее образование и устроилась на работу дежурной по Сельсовету, а когда ее

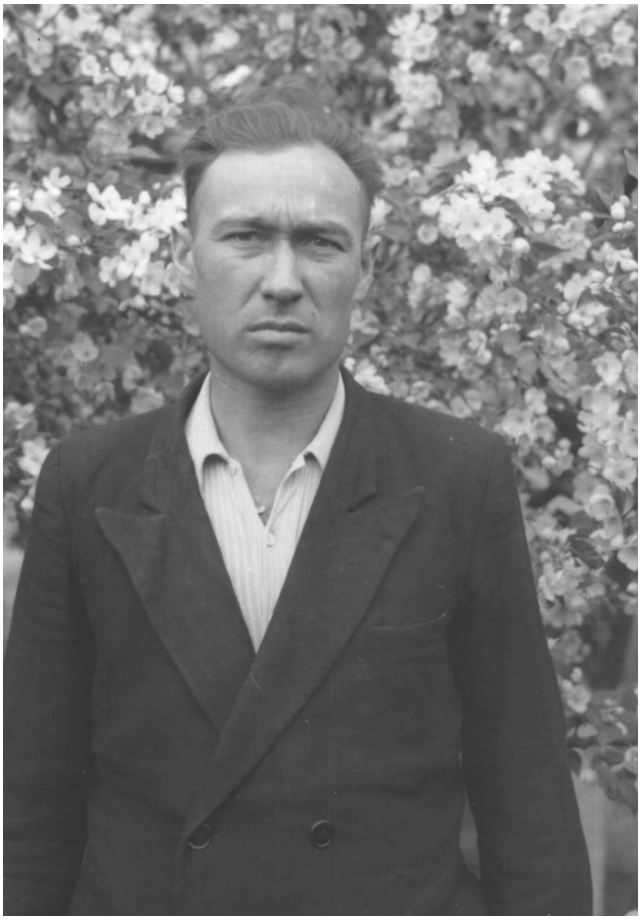
укусила собака председателя, тот от страха оформил ее учеником-счетоводом, через пол-года нашел замену и уволил. Еще пол-года работала свинаркой за трудодни, началась война, отца призвали в трудармию, работал бондарем, так как был уже в возрасте, а она окончила восьмой класс и поступила в педагогическое училище. Учеба была платная, еды не хватало, вареная крапива да четыреста грамм хлеба, решила, что специальность не подходит и бросила учебу. Потом работала секретарем, то на паточном заводе, то в Райфо. Налоговым агентом, собирала деньги и сдавала в банк, инспектором в Госстрахе. Она ни когда не «примеряла на себя чужие вещи», жила в мире и согласии с собой. Как все немножко пела, немножко плясала, немножко шутила:

- Была в М-ааскве,

Шла п д-ааске, шла, шла и упала прямо в ГРЕЗЬ.

Она была не завидной невестой, поэтому не провожала своего парня на войну, а значит не потеряла и не получила жуткое, послевоенное состояние молодой женщины. Закончилась война. Решила снова учиться в училище, но по дороге в город у нее украли деньги, документы и вещи. После уплаты штрафа и получения новых документов пришлось вернуться домой, где устроилась статистом в контору Главмолоко. Там посылали учиться на мастера, но что-то не сложилось, может быть, испугалась. Уволившись, поступила на работу в суд старшим секретарем судебного заседания, предлагали учиться на юриста, но без комсомола нельзя, потом уволили в процессе «чистки кадров». Появился кавалер Николай, только вернувшийся из армии, точнее сказать - с фронта, замужество без свадьбы, первый ребенок, развод, работа кассиром. После учебы на бухгалтера – счетоводом пекарни. Когда бывший муж объявился снова, пришлось бросить работу по семейным обстоятельствам, а потом стоило не малых сил, устраиваться нормировщиком в артель «Швейник» - фиксировала скорости операций. Когда родился Руслан, Николая посадили в каталажку, второй ребенок без отца – тяжелая обуза.

Отец



Николай рос в семье не совсем благополучной. Был достаточно развитым, шустрым ребенком, не плохо учился, но в подростковом возрасте остался без отца, который ушел в другую семью. Его отец был грамотным, занимал ответственные посты, когда работал председателем колхоза, завел любовницу. Коля рос хулиганом, из-за чего мать часто вызывали в школу. Бросил учиться и пошел на механический завод, но не пришелся ко двору, дебошир и его

отправили на фронт, увеличив в документах возраст. На фронте был ранен, имел награды, в целом отслужил семь лет. Женился, но жить не умел, ругался, злился, психовал, однако выпивший был поласковее, хотя иногда и бросался на жену с топором, часто уходил из дому, но тут же возвращался. Когда шел с работы, жена со свекровью, завидев в окно издалека, бегом собирали на стол. Даже рождение ребенка ни чего не меняло. Когда приезжали в гости в деревню, бежал по всем знакомым (обходил деревню в шаг), а со стариками ругался, запугивал кухонным ножом, деда называл Папашей, а бабушку Мамашей. Через три года – развод. Где только он не работал: и стрелком в военизированной охране, и аккумуляторщиком в автотранспортном предприятии и кондуктором на железной дороге, и грузчиком, а сколько женщин сменил? В командировке познакомился с одной и повез ее с собой. Наплел ей с три короба, что у него не дом, а хоромы с зеркалами и хрусталем. Ее родители, как следует, снарядили в путь. По дороге пил и закусывал, как барин, а домой дал телеграмму, чтобы освободили место для невесты. По приезду, встретил старую подругу, устроил с ней свидание и любезничал на глазах у молодой девушки. Та, бедная, не знала, куда деваться, слезы, денег на обратный путь нет, хотела броситься под поезд, но соседи приютили, до приезда матери. Перебрал Николай таких невест без счета. Кого-то с ребенком, но со всеми не ладил и решил восстановить старые связи со своей семьей. Ему это удалось и, даже родился второй сын, Руслан, но жить красиво любил, много пьянствовал да погуливал. Работать не хотел, везде выгоняли, дебоширил, дрался, избивал своих подружек. Однажды осенью угнал машину и поехал в деревню. На грязной заснеженной дороге часто застревал, вытаскивали попутки, но к вечеру, когда дорога опустела, решил вернуться. Впотьмах заехал в прорубь и до утра, пока не вытащили, пытался выбраться,. В конце концов, за тунеядство его приговорили к четырем месяцам тюремного заключения. Но этим дело не кончилось, выяснилось, что он еще и совершал уголовно наказуемые проступки, за все и

получил два года лишения свободы. Руслану было от роду два месяца. После освобождения отец скрывался от алиментов, был в розыске, и однажды пришла повестка с сообщением, мол, покалечен в пьяной драке от удара топором по голове и скончался в больнице.

Руслану было уже шесть лет, когда на прогулке, набирая совком жидкий весенний снег в ведерко, неожиданно был взят из садика. После двух операций на кишечном тракте умер дедушка. Сказались болезни, полученные на принудительном лесоповале. В последнее время у него болели ноги, ходил еле-еле. Уколы только усиливали боли и подействовали на весь организм, похоже не то кололи, потом слег и через месяц его не стало.

Перед смертью деда они поехали к нему и пробыли две недели. Руслан видел все своими глазами, видел предсмертные муки старика, перемешанные с руганью, мертвое тело со сгнившими глазами и церковной белой с надписями повязкой на голове. Отпевание, перемешанное с запахом ладана и свежей хвои. Принимал участие в похоронах и ни как не мог понять, почему бросают веточки от елки, пахнущие Новым годом. Некоторое время спустя после похорон, он раскапризничался и чтобы уколоть за невнимание к себе, очень сильно обидел мать и бабушку, сказав:

- Так вам и надо, что умер дедушка.

Это сошло ему с рук, но Руслан запомнил то стыдное происшествие навсегда. После похорон дом был продан и куплен другой в Манчаже.

У матери был праздник, она въезжала в свой дом, кончились скитания, Руслан был тоже доволен и сразу навел кучу друзей и подруг. Под навесом сарая играл на игрушечной гармошке сам себе свадьбы, пел песни:

- Тына, тына у Мартына откусили половина, или
- Цыпленок жареный, цыпленок пареный
пошел по улице гулять.
Его поймали, арестовали,

Велели паспорт показать.
Паспорта нету – садись в карету,
Кареты нет – садись в тюрьму,
Тюрьма закрыта – садись в корыто,
В корыте дырка – я утону.

Или:

- Эх машина, ты машина белые колесики,
едет папа на машине, курит папиросики, а компания его охотно поддерживала.

Или:

- Жили-были дед да баба,
Ели кашу с молоком.
Рассердился дед на бабу,
Хлесть по пузе кулаком.
Баба не стерпела,
В голбец улетела…

Шутили: - Тетя Галя всех загалит, перегалит, выгалит.

Счастливое детство

Руслан считался развитым, любознательным мальчиком, никогда не болел, легко переносил тяготы, вот только с речью беда, долго не мог выговорить букву «Р». И вот однажды сели подле него бабушка и мать и стали говорить слова с этой буквой, на слове «рыба» дело пошло на поправку. Очень долго бились с буквой «Л», пока Руслан самостоятельно не решил эту проблему. Были у него и такие странности – не мог переносить сметану, масло, кисель из крахмала на молоке, кофе, какао, макароны, печенье, особенно с молоком или чаем, пряники, халву и конечно же сало, особенно в супе. Может быть это от того, что не привык именно к этим кушаньям. А может быть потому, что постоянно ел конфеты и перебивал здоровый аппетит, но мясо и молоко любил всегда. В те времена порошкового молока еще не придумали. Как-то накрошил хлеба в чай, попробовать, а есть не стал – не вкусно, чуть не вырвало. Твердую пищу как волчонок съедал, она только побуждала

аппетит. Еще Руслан жутко боялся парикмахерской, не потому, что не хотел стричься, а потому, что машинка больно щипалась. Как все, жутко боялся уколов. Не переносил езду в автомобиле, качели, кувыркания, кружения – слабый вестибулярный аппарат. Как-то раз поехали в гости в город, почему-то на легковушке, дорога дальняя, часто останавливались, доехали с горем пополам. Но в городе Руслану понравилось. При въезде на центральной улице грандиозный собор Александра Невского, из красного кирпича с куполами, но без крестов, казалось, что там должны быть звезды. И еще из огорода родственников можно было посмотреть с близкого расстояния огромный настоящий паровоз, который почему-то целый день сновал взад-вперед, попыхивая и посвистывая.

Красноуфимск

Лето было в разгаре, жизнь била ключом, беззаботное детство не знало тревог. Но вдруг семья собралась переезжать в Красноуфимск, в тридцати километрах от села. Руслан не знал причин, да и не желал знать, но тем не менее пришлось покинуть до боли родные места и друзей. А расставался он охотно, ведь перед ним открывались новые горизонты. Город для него был совершенно другим миром, мало представляемым, но, несомненно, более привлекательным, чем село.

Новое жилье состояло из двух помещений – входное, включающее в себя печь с полатями и кухней, и смежное с двумя кроватями, образами в одном углу и огромным черным кругом радиоприемника в другом. Братья спали при входе на составленных стульях, укрывшись старым дедовым тулупом. У порога стояло поганое ведро, заменяющее удобства в ночное время. Пятый член семьи – кот Васька, очень сообразительный, по одному кивку прыгал Руслану на колени.

К дому примыкал небольшой дворик-ограда и огород. В ограде стоял сарай с хлевом, сеновалом,

дровяником и уборной, примыкающей к огороду. Отдельный участок ограды использовался под погреб. А за оградой улица Челюскинцев с такими же домиками, с ароматом черёмух и колеями, глубиной пол-метра.

На новом месте все с нуля. Мать ищет работу, чтобы было на что жить. А пока только козье молоко да куриные яйца и то не досыта. Огороды у всех набирают сок, а тут пустырь и два дармоеда. Нет мужчины в доме.

Мать устроилась работать на овощебазу бухгалтером. Баушка занималась домашним хозяйством: следила за огородом, ухаживала за курицами и двумя козами Маньками, варила или читала по слогам. По выходным топила печь и пекла пироги, в будни гостила у подруг, по праздникам посещала церковь. Чинила одежду или вязала, правда в ее твердых варежках из козьей шерсти, обшитых материей, постоянно мерзли руки. В магазин ни когда не ходила, зато огороду отдавалась всецело и ни кого туда не пускала, особенно в страду. Попробовала как-то использовать назем из уборной, так провоняла всю округу, и соседские пацаны долго подсмеивались. Она была очень экономной. Не дай бог включить свет в пасмурное время:

- Лампочок-то итак нет!

Подбирала каждый клочок бумаги, берегла газеты, тем более, что много уходило на уборную.

В начале Руслан удивлялся всему новому. Это асфальтированные дороги и тротуары, люди в военных мундирах, пожарные машины, в том числе ГАЗ-67 «бобик», поражали своим красным цветом, железная дорога – главное открытие. Но, сначала Руслан увидел паровоз, который тут же подвергся испытанию камнями и гвоздями, положенными на рельсы.

Друзей - ни кого, заняться не чем. По вечерам встречал мать с работы возле железнодорожной линии, уходя не далеко, чтобы не заблудиться.

В нескольких шагах от дома работал маленький магазинчик, который размещался в цоколе большой

рубленой избы. Для Руслана любой магазин представлял, как нечто приносящее приятное, иногда даже бесплатно. Как-то в знойный день заскочил он в этот магазинчик, манила пьянящая полуподвальная прохлада продуктов. Покупателей не было, но продавец стояла на своем месте и смотрела в упор. Что-то надо было купить или говорить. Пришлось спросить по взрослому, нет ли в продаже рыбьего жира, который Руслан отродясь не видел и тем более не пробовал. Продавец спокойно объяснила, что это такое, введя мальчишку в конфуз.

Знакомство с окрестностями часто проходило при помощи велосипеда «на одной ножке». Велосипед подростковый казался неуправляемой махиной. Тем более, старший брат так его уездил, что ремонту он уже не подлежал. Позже его все-таки купил один умелец из местных ребят за 2 рубля и при помощи самодельных частей, например, деревянных педалей, еще ездил какое-то время. Много позже этот умелец смастерит автомобиль. Ну, а Руслан катался как на самокате. Одна нога на педали, другая толкательная отдыхает, если с горки.

По соседству жила крестная и естественно Руслан ее навестил, но скорее не из родственных чувств, а из тяги куда-то идти. Оттуда он умыкнул четыре сырых яйца, по дороге одно разбил за пазухой, остальные выпил. У крестной было два сына чуть старше его, они-то и стали его первыми наставниками, а позднее друзьями. Семья Половниковых считалась из достаточно благополучных, по крайней мере, они так думали, а новый приятель, голодранец мог научить братьев чему угодно: и воровать, и курить, и в этом мало кто сомневался.

Их жизнь совсем иная, они знали и умели гораздо больше, чем Руслан, сказывалась цивилизация. Втроем бродили по городу, играли в прятки, в «мой солдат» - это когда при встрече, каждый день двое договорившиеся должны на перегонки сказать:

- Мой солдат!

Кто первый, тот командир, имеет право весь день приказывать, другой обязан выполнять. Новые друзья знакомили с чудесами научно-технического прогресса: – бензином, который жгли не далеко от дома на озере; лупой, которая, усиливая солнечный луч, могла прожечь все, что горит. Первое знакомство с железнодорожной станцией, первые найденные бутылки, деньги от которых шли на мороженое, кино. В кинотеатрах портретные галереи с популярными артистами; Ивашова, Самойлова, Андреева, Кузнецова… Первый поход в краеведческий музей, расположенный в бывшем соборе Александра Невского. Впечатляли масштабы полутемных залов, подсвеченные витрины с макетами, чучелами и пейзажами живой природы, настоящий пулемет «Максим» и прочее оружие с доспехами, бивни мамонтов и национальные одежды, увешанные множеством монет. Особенно поразил макет железнодорожного узла. Плоскость станции, по которой бегал паровоз, окружали горы, застроенные маленькими домишками, а под одной из них проложен тоннель.

Посмотрев кино, Мамлюк, Кер-Оглы или Алекса Довбыш, часто подражали героям. После Довбыша, увидев, как он перешел по бревну через пропасть, искали похожие ситуации и пробовали себя, а тренировались на рельсах железной дороги. Иногда заходили в тир, находившийся на базаре. Там узнал Руслан о существовании пункта по приему вторсырья, собрал весь металлолом в ограде, упаковал в суконный мешок и поволок. Было так тяжело, что казалось, денег будет много. Так как магазин не работал, пришлось спрятать мешок в укромное место, не тащить же обратно, и каждый день приходить, до тех пор, пока магазин не открылся. Ура, наконец-то, но за все про все получил четыре копейки, хватило только на два воздушных шарика.

Интересно, сколько островов в этой стране? В океане есть Остров невезения. Городов наверное нет, но думается есть поселки, села и деревни под названием Остров.



Красноуфимск распластался небольшими горстками домишек среди невысоких гор и холмов,

разделившись на районы со специфическими именами. Соболя и Станция, Город и Селекция, Приданниково и Бараба, Горняк и Новый поселок, Учхоз и Заречье, Варганка и Лесозавод, Юртовская гора и Остров.

Район, где они поселились, назывался Остров. Название несколько экзотическое, но закономерное. Это не большое плато, застроенное обычными деревянными домиками с примыкающими огородами, разделенное улицами крест-накрест. Улицы с революционными названиями: - Комсомольская, Вайнера, Фрунзе, Розы Люксембург, Тельмана, Челюскинцев…. С юга и с севера Остров окружали озера, в которых водились щуки и окуни, обычно их ловили бреднем – это трехметровая сетка с двумя палками по бокам. С востока эти озера сливались во время большой воды. Когда между ними построили дамбу, северное озеро начало пересыхать, потом и вовсе зачахло, а на его месте построили производственную базу. С запада Остров граничит с горой, которую называли Шлакной, раньше с нее ссыпали паровозный шлак, было это видимо очень давно, потому, что все заросло бурьяном. Эта гора являлась продолжением другой, которая называлась Павловской и завершалась зигзагом третьей - Юртовской. Все горы имеют свою историю, но для Руслана и его друзей - это места развлечений. Шлакная и Павловская не большие, высотой около десяти метров. На Павловской горе приятно кататься на лыжах, она разделяется оврагом и имеет много перепадов разной крутизны. Внизу течет мелкая речка Сарга. Она огибает эти горы и впадает в озеро, которое упирается в Юртовскую гору. В Сарге водилась мелкая рыба, прячась под камнями, в основном сорная, но съедобная для кошек, гольян, сайга, ее кололи вилками или ловили майками, связавши в узел бретельки.

Шлакная гора менее значима для лыжного катания, хотя по категории сложности на порядок круче, красиво скатывалась с нее шина. Основное назначение этой горы заключалось в другом. У ее подножия, как было уже отмечено протекает Саргушка, а между речкой и склоном

живописно расположились три больших камня из спекшегося шлака, каждый размером с маленький грузовик, в которых можно было собираться и укрываться от посторонних глаз, развести костер, покурить, поиграть. Игры были разные: то сражались саблями из веток, то прятки, то насобирав пустых бутылок и банок, которые выбрасывали, как впрочем и другой хлам, на склон горы, били их камнями, поставив на некоторое удаление, тренируясь меткости. Не далеко была свалка масляных фильтров от тепловозов, очень хорошо горели. Юртовская гора самая величественная, на отвесном склоне растут высокие сосны, в некоторых местах выступают скалистые участки, на одном из них в середине глубокая щель, напоминающая издалека вход в пещеру, но попасть в нее было не легко. Еще одной достопримечательностью этой горы - самая длинная лестница в городе, но посчитать количество ступеней не хватало терпения. С этой горы виден почти весь город, во всяком случае, основная часть.

Два озера и ниточка Сарга
В одно из них не торопясь, втекает
Да три горы, верней одна сплошная
То «Шлагною», то «Павловской» была
А та, что на изгибе – «Юртовская».

Вдоль речки были сочные луга,
Тропинка вдоль вилась неприхотливо,
Сегодня там полянка меньше га,
А в ней дыра – там мусор да крапива.

Мальчишки по воде той бродом шли
Напиться ей в жару могли,
Могли устроить и рыбалку.
Ловили всем, кто вилкой, майкой,
кто на банку.

На тех лугах теперь промышленная свалка,